

А. И. П. [= Покровский А. И.] Из церковно-общественной жизни и периодической печати: [О церковном соборе и о митр. С.-Петербургском Антонии (Владковском) по поводу статьи Меньшикова «Расстройство церкви»] // Богословский вестник 1908. Т. 1. № 3. С. 590–609 (3-я пагин.).

Изъ церковно-общественной жизни и периодической печати.

Какъ ни тускла и ни блѣдна наша современная церковно-общественная жизнь, какъ ни скудна она своимъ положительнымъ, идейнымъ содержаніемъ, однако и на ея поверхность время отъ времени всплываютъ такіе факты и явленія, которые способны остановить на себѣ серьезное вниманіе періодическаго обозрѣвателя. Въ частности, истекшій мѣсяць подарилъ насъ двумя такими событіями, на которыхъ мы и считаемъ нужнымъ болѣе или менѣе подробно остановиться: это—посѣщеніе членами Государственной Думы митрополита Антонія и почетная депутація къ нему-же съ адресомъ отъ столичнаго, с.-петербургскаго духовенства.

О первой важнѣйшей изъ этихъ депутацій въ официальномъ органѣ св. Синода (№ 9, 435—437) сообщаются слѣдующія подробности.

„20-го Февраля въ 3 часа дня митрополитъ Антоній принялъ членовъ церковной коммисіи Государственной Думы съ предсѣдателемъ ея В. Н. Львовымъ во главѣ. В. Н. Львовъ, во исполненіе единогласнаго постановленія коммисіи, обратился къ митрополиту со слѣдующей рѣчью:

„Высокопреосвященнѣйшій Владыко! Члены коммисіи Государственной Думы по дѣламъ Православной церкви единогласно выразили желаніе представиться вамъ, какъ первоіерарху русской церкви, дабы испросить ваше святительское благословеніе на труды нашей коммисіи, обращенные къ защитѣ высшимъ законодательнымъ учрежденіемъ правъ и свободы нашей общей матери—православной русской церкви Въ желаніи указать, что работа наша протекаетъ не въ раз-

общеніи, а въ единствѣ съ церковью, и является наше сегодняшнее вамъ, владыко, представленіе. Но стремясь работать въ Думѣ на пользу церкви, мы не можемъ не засвидѣтельствовать нашей скорби отъ сознанія того, что тщетны наши труды. То учрежденіе, которое является въ церкви источникомъ ея жизнедѣятельности, то учрежденіе, которое должно было являться вдохновителемъ нашихъ трудовъ и предметомъ нашей сильнѣйшей защиты,—это святое учрежденіе есть помѣстный церковный соборъ русской церкви; а между тѣмъ вотъ уже 200 лѣтъ, какъ сиротствуетъ безъ собора наша мать—церковь соборная. Но мы вѣримъ, что пастыри, въ лицѣ вашемъ, и пасомые, въ лицѣ нашемъ, въ единствѣ вѣры и духа, въ общей любви и упованіи, будутъ содѣйствовать скорѣйшему созыву собора русской церкви, безъ котораго церковь является умаленной въ своихъ правахъ и достоинствахъ, тѣмъ болѣе, что это право свободы самоуправленія и самодѣятельности законопроектомъ, внесеннымъ въ Думу, даровано всѣмъ религіямъ въ Россіи, за исключеніемъ господствующей православной. Мы ждемъ, что государственная власть вернетъ наконецъ, церкви ея каноническую свободу и каноническое самоуправленіе, дозволивъ осуществиться святымъ желаніямъ всѣхъ православныхъ, дабы созвался святой всероссійскій соборъ. Да восприметъ церковь русская вновь руководителемъ своимъ не правду человѣческую, а правду Божію“.

Митрополитъ Антоній, въ отвѣтъ на рѣчь предсѣдателя комиссіи, произнесъ слѣдующее:

„Съ чувствомъ глубокаго утѣшенія и сердечной радости выслушалъ я отъ членовъ Государственной Думы, входящихъ въ составъ церковной комиссіи, въ лицѣ ея предсѣдателя, заявленіе, что свои работы они направляютъ въ соотвѣтствіи и согласіи съ нуждами и потребностями православной Церкви. На таковыя труды комиссіи призываю Божіе благословеніе. Что же касается до созыва всероссійскаго помѣстнаго церковнаго собора, то вопросъ этотъ въ принципѣ нужно считать рѣшеннымъ. Въ собственноручномъ рескриптѣ Его Величества на мое имя отъ 27-го Декабря 1905 года по самому вопросу начертано слѣдующее: „Церковная власть, въ лицѣ Святѣйшаго Синода, весной настоящаго года заявила Мнѣ о необходимости созвать, для устроенія дѣлъ церковныхъ,

чрезвычайный всероссійскій помѣстный соборъ. Тяжелыя обстоятельства на Дальнемъ Востокѣ не дали мнѣ возможности тогда привести въ исполненіе это благое намѣреніе. Нынѣ же Я признаю вполне благовременнымъ произвести нѣкоторыя преобразованія въ строѣ нашей отечественной церкви на твердыхъ началахъ вселенскихъ каноновъ для высшаго утвержденія православія“.

Во исполненіе Высочайшей воли, въ мартѣ 1906 года при Св. Синодѣ открыто было особое предсоборное присутствіе для разработки вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію и рѣшенію собора. Работы присутствія закончились въ половинѣ Декабря 1906 года, а въ концѣ Великаго поста 1907 основныя положенія о созывѣ и составѣ собора и подлежащія его разсмотрѣнію положенія объ устройствѣ высшаго церковнаго управленія были представлены Его Величеству и удостоились высочайшаго утвержденія. Самое же время созыва собора можетъ быть объявлено только волей Государя. Сердце Царево въ руцѣ Божіей. Всѣмъ намъ православнымъ поэтому нужно молиться, чтобы Самъ Господь указалъ Государю время, благопотребное для собора, всѣми вѣрными сынами церкви ожидаемаго“ (Прибавл. къ *Церков. Вѣдом.* изд. при Св. Правит. Синодѣ, № 9, стр. 435—437).

Вотъ, фактъ крупнѣйшаго, церковно-общественнаго значенія. Попытаемся же нѣсколько разобратся въ немъ, а также и познакомимся съ откликами на него періодической печати.

Какъ очевидно изъ текста только что приведеннаго сообщенія, Думская депутація къ первоприсутствующему члену Святѣйшаго Синода—петербургскому митрополиту Антонію не получила никакихъ осязательныхъ, конкретныхъ результатовъ отъ своего визита, хотя-бы въ смыслѣ, напимѣрь, болѣе категорическаго отвѣта на поставленный ею центральный вопросъ—о соборѣ. Но это еще отнюдь не означаетъ того, что Думская депутація лишена всякаго значенія, оказалась вовсе безрезультатной, такъ какъ сила и значеніе этой депутаціи заключаются, прежде всего, въ томъ огромномъ моральномъ вѣсѣ, какой она имѣетъ въ глазахъ всей вѣрующей и мыслящей Россіи.

Фактъ Думской депутаціи это—не простой актъ холодной деликатности и вѣжливости, это даже не визитъ къ митро-

политу Антонію на чашку чаю батюшекъ-депутатовъ двухъ первыхъ Думъ, а это актъ первостепенной церковно-государственной важности, это—организованное представительство Думской комиссіи по дѣламъ православной Церкви къ ея верховному представителю — первоприсутствующему члену Святѣйшаго Синода. Поэтому и на привѣтственную рѣчь предсѣдателя этой комиссіи—В. Н. Львова мы должны смотрѣть не какъ на выраженіе его личныхъ взглядовъ и симпатій, а какъ на мнѣніе страны, на голосъ избранныхъ народа по одному изъ наиболѣе мучительныхъ и наболѣвшихъ вопросовъ обновляющейся Россіи. Вотъ, почему этотъ голосъ долженъ звучать особенно громко и вѣсить тяжело, въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, кто еще не забылъ, что если гдѣ-либо еще, то въ дѣлахъ Церкви, по преимуществу, „гласъ народа—гласъ Божій“ и общенародное выраженіе этого голоса („соборное начало“) составляетъ главный жизненный нервъ здоровой церковной жизни.

Но кромѣ этого важнѣйшаго, идейно-моральнаго впечатлѣнія, депутація „церковной Думской комиссіи“ имѣетъ и извѣстное практическое значеніе. Въ этомъ смыслѣ она, на примѣръ, фактически и навсегда опровергла одинъ изъ укоренившихся въ довольно широкихъ (преимущественно, правящихъ) церковныхъ кругахъ предрасудковъ о томъ, что народное представительство будто-бы вполне индефферентно, или даже и вовсе оппозиціонно по отношенію къ православной Церкви, ея нуждамъ и интересамъ.

Если, съ нѣкоторыми натяжками, это и можно еще было говорить о первыхъ двухъ Думахъ—Думахъ радикальной оппозиціи, вообще,—то настоящая третья Дума самымъ фактомъ обсуждаемой нами депутаціи отняла всякую почву у подобныхъ подозрѣній. Отнынѣ для всѣхъ, имѣющихъ очи, чтобы видѣть и уши, чтобы слышать, должно быть вполне ясно, что Государственная Дума не питаетъ никакой тенденціозной вражды къ православной Церкви, что совершенно даже наоборотъ,—она готова всей силой своихъ законодательныхъ полномочій стать на ея защиту. Крупное значеніе даннаго факта имѣлъ мужество признать даже и самъ синодскій органъ, который устами одного изъ видныхъ своихъ сотрудниковъ заявилъ: „весьма отраднo, при такомъ положеніи (разумѣется, расширенное пониманіе „свободы совѣ-

сти“) сознание, къ которому пришла и которое громко выразила Думская „комиссія по дѣламъ православной Церкви“... ея заявленіе объ обращеніи своихъ трудовъ „къ защитѣ высшимъ законодательнымъ учрежденіямъ правъ и свободы нашей общей матери—православной русской Церкви“ (А. Во-лынецъ „Государственная Дума и духовенство“ Прибавл. къ Церковн. Вѣдомостямъ, 1908 г. № 9, 426 стр.).

Нѣтъ въ „церковной Думской комиссіи“ никакой злостной оппозиціи даже и наличному, далеко, какъ извѣстно, канонически несовершенному представительству русской Церкви, что неоднократно признавалось и имъ самимъ (Докл. Св. Синода № 45 Синод. Цер. Вѣд. 1005 г.). Ея нѣтъ уже по одному тому, что „церковная комиссія“ почти *in corpore* идетъ къ современному предстоятелю русской церкви, проситъ его благословенія и ищетъ союза съ нимъ и съ возглавляемымъ имъ Св. Синодомъ, въ работѣ на общее благо Церкви. По крайней мѣрѣ, въ желаніи подчеркнуть, именно, это *единеніе и союзъ* и самъ предсѣдатель „церковной комиссіи“ полагаетъ одну изъ главныхъ задачъ настоящей Думской депутаціи.

Весьма знаменательна, далѣе, и та рѣчь, которую предсѣдатель церковной комиссіи держалъ предъ верховнымъ представителемъ русской церкви. Центральнымъ пунктомъ этой рѣчи, вокругъ котораго сосредоточивалось все ея содержаніе, была мысль о „святомъ всероссійскомъ помѣстномъ соборѣ“—предметѣ самыхъ пламенныхъ, но пока все еще тщетныхъ ожиданій и надеждъ всѣхъ искреннихъ сыновъ православно-русской церкви. Сознаніемъ высокой важности подобнаго собора и чувствомъ глубокой скорби по поводу его отсутствія проникнута положительно вся эта рѣчь. Соборъ канонически ежегодно обязательный для каждой помѣстной церкви, совершенно справедливо признается здѣсь такимъ учрежденіемъ, „которое является въ церкви источникомъ ея жизнедѣятельности“, безъ чего она „сиротствуетъ“, т. е. терпитъ серьезный реальный ущербъ въ самомъ своемъ существѣ, какъ церкви, именно, „соборной“. Этимъ недугомъ и поражена русская церковь, которая вотъ уже 200 лѣтъ сиротствуетъ безъ собора. Съ грустью оглядываясь на это тяжелое прошлое русской церкви, члены Думы не могутъ скрыть своей тревоги и за ея ближайшее будущее, гдѣ всѣ

усилія обновить и возродить церковную жизнь, останутся тщетными, если во главу ихъ не будетъ поставлено собора. „Но, стремясь работать въ Думѣ на пользу церкви—читаемъ мы въ рѣчи думскихъ депутатовъ—мы не можемъ не засвидѣтельствовать нашей скорби отъ признанія того, что тщетны наши труды“. А тщетны они потому, какъ говорится дальше, что въ русской церкви не смотря на настойчивый всеобщій голосъ, до сихъ поръ все еще нѣтъ собора, который долженъ бы явиться источникомъ церковнаго возрожденія и вдохновителемъ живой, творчески созидательной церковно-общественной работы, какъ въ самой Церкви, такъ и въ Думѣ, такъ и во всемъ вѣрующемъ народѣ.

Необходимость такого скорѣйшаго созыва собора усиливается еще и тѣмъ соображеніемъ, что „господствующая“ Церковь послѣдними вѣроисповѣдными указами, поставленная теперь въ ложное и обидное положеніе, относительно своей самостоятельности и свободы: съ этой стороны, она теперь какъ бы обдѣлена и умалена, даже по сравненію со всѣми другими религіями и исповѣданіями, которыя, какъ извѣстно, получили теперь почти полную внутреннюю свободу самоопредѣленія и право безпрепятственныхъ собраній на различные съѣзды и соборы, для обсужденія своихъ религіозныхъ нуждъ, чего до сей поры лишена обидно только одна „господствующая“ церковь.

Къ горячему пожеланію „раскрѣпощенія“ русской церкви путемъ собора, думская депутація присоединила и твердую вѣру въ искреннія, добросовѣстныя усилія іерархіи и паствы содѣйствовать его скорѣйшему созыву: „мы видимъ, что пастыри въ лицѣ вашемъ и пасомые въ лицѣ нашемъ въ единствѣ вѣры и духа, въ общей любви и упованіи будутъ содѣйствовать скорѣйшему созыву собора русской Церкви... Да восприметь—читаемъ мы, въ заключеніи всей рѣчи, чисто молитвенный призывъ—Церковь русская вновь руководителемъ своимъ не правду человѣческую, а правду *Божію*“.

Вполнѣ понятно, что фактъ такого крупнѣйшаго церковно-общественнаго значенія, какъ визитъ Думской депутаціи къ митрополиту Антонію, не могъ пройти не замѣченнымъ для общества и встрѣтилъ себѣ довольно дружный и живой откликъ въ органахъ не только духовной, но даже, преимущественно, свѣтской періодической печати.

Почти вся печать, за самыми ничтожными исключениями, отнеслась къ Думской депутаціи и къ рѣчи ея предсѣдателя, болѣе или менѣе, сочувственно, хотя въ ея отзывахъ и преобладаютъ грустныя, минорныя ноты при оцѣнкѣ значенія и успѣха этой депутаціи. И важно отмѣтить, что такъ отозвалась на разсматриваемый фактъ не какая-нибудь „лѣвая“, „еврействующая“ пресса, а такіе умѣренные и даже консервативные органы, какъ „Слово“, „Голосъ Москвы“ и даже „Московскія Вѣдомости“.

Такъ, петербургская газета „Слово“ изъ всей этой исторіи дѣлаетъ только тотъ печальный выводъ, что у нашей церковной іерархіи, очевидно, не замѣчается энергіи въ дѣлѣ подготовки и созыва собора и что на соборъ теперь нѣтъ надежды, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ (№ 390). А „Русское Слово“, въ добавленіе къ этому говоритъ, что правящая церковная власть, не только не хлопочетъ теперь о соборѣ, но даже, повидимому, и не желаетъ его, мечтая сама справиться со всѣми тѣми реформами, которыя она прежде откладывала до собора. Газета отмѣчаетъ, что теперь въ Св. Синодѣ предпринять цѣлый рядъ реформъ въ областяхъ приходской, миссіонерской и духовно-учебной, чѣмъ какъ будто уже ослабляется необходимость соборнаго ихъ обсужденія (№ 46).

Мы не раздѣляемъ такихъ тревожныхъ опасеній и не допускаемъ мысли, чтобы духовная власть была принципиально настроена противъ церковнаго собора. Не думаемъ также, чтобы своими предстоящими реформами она полагала-бы предвосхитить и замѣнить дѣло собора. Не правильнѣе ли будетъ видѣть во всемъ этомъ особый видъ приготовленія къ собору же? „Русскія Вѣдомости“ критически относятся къ заявленію м. Антонія, что церковной властью сдѣлано *все* отъ нея зависящее для созыва собора, не исключая даже и категорическаго заявленія объ этомъ Государю Императору. Недоумѣваютъ они также и относительно того, какимъ образомъ отвѣтственность за самый срокъ созыва собора могла быть перенесена на Государя, когда Онъ неоднократно заявлялъ, что передаетъ это дѣло въ руки самой же духовной власти и лишь выражалъ благочестивое пожеланіе, чтобы послѣдняя устроила соборъ „въ ближайшее по возможности время?“ („Рус. Вѣд.“ № 46).

Но всего всестороннѣе и лучше вопросъ о соборѣ и Дум-

ской депутаціи разсматривается въ серьезной и обстоятельной статьѣ проф. И. М. Громогласова, въ „Голосѣ Москвы“ (№ 47). „Таинственная неизвѣстность, окутывающая время созыва чрезвычайнаго собора русской Церкви, говорить авторъ, нисколько не прояснилась, вопреки ожиданіямъ, и послѣ состоявшагося на дѣлѣ представленія членовъ Думской церковной комиссіи первоприсутствующему въ синодѣ петербургскому митрополиту Антонію. Горячая рѣчь В. Н. Львова, указывавшаго на необходимость *содѣйствія* со стороны паствы и пастырей скорѣйшему осуществленію мысли о соборѣ, въ существенномъ своемъ пунктѣ осталась безъ отвѣта“. Церковная комиссія своей рѣчью и визитомъ къ м. Антонію, въ сущности, ребромъ ставила вопросъ, правдали, что современная духовная власть уже оставила мечту о соборѣ и даже чуть-ли не сама тормозитъ теперь вопросъ о немъ? „На обращенный къ нему запросъ первоприсутствующимъ членомъ синода былъ данъ осторожный и дипломатически-уклончивый отвѣтъ, что о „самомъ времени созыва собора можетъ быть объявлено только волей Государя, а сердце Царя въ руцѣ Божіей. Всѣмъ православнымъ нужно, поэтому, молиться, чтобы Самъ Господь указалъ Государю время, благопотребное для собора, всѣми вѣрными сынами церкви ожидаемаго“ „Формальная правильность такого отвѣта комментируетъ его „Голосъ Москвы“, конечно выше всякаго сомнѣнія“. Но едва-ли то же самое можно сказать и про существо дѣла. Главную ссылку—на волю Государя, профессоръ Громогласовъ не считаетъ убѣдительною, какъ потому, что въ церковныхъ дѣлахъ, воля Царя всегда, болѣе или менѣе, опредѣлялась голосомъ представителей церкви, такъ еще болѣе и потому, что относительно собора эта воля категорически, и не разъ уже, изъяснялась Государемъ. „Сердце Царя хранится „въ руцѣ Божіей“ вовсе не затѣмъ, чтобы быть закрытымъ для служителей Бога, и мы имѣемъ достаточно доказательствъ того, что носитель Верховной власти въ русскомъ государствѣ есть вмѣстѣ съ тѣмъ послушный сынъ православной Церкви, охотно внимающій голосу представителей о ея благѣ архипастырей“. (Гол. Моск.). Слѣдовательно, опредѣленіе срока собора, указаніе государю на время, благопріятное для него, зависитъ, въ концѣ концовъ, отъ самихъ-же іерарховъ.

Послѣднее обстоятельство становится окончательно несомнѣннымъ, послѣ знакомства съ полнымъ текстомъ того Высочайшаго рескрипта отъ 27-го Декабря 1905, первая половина котораго была приведена въ отвѣтной рѣчи митрополита. „Непосредственно за указаніемъ на *благовременность* „нѣкоторыхъ преобразованій въ строѣ отечественной церкви на твердыхъ началахъ каноновъ“ въ рескриптѣ слѣдовало Высочайшее предложеніе первоприсутствующему въ Синодѣ, совмѣстно съ митрополитами: московскимъ—Владиміромъ и кievскимъ—Флавіаномъ, *опредѣлить время созванія* предложеннаго собора. По сообщенію агенства, поименованные іерархи, принявъ благую волю Государя съ чувствомъ величайшей благодарности, положили *тогда-же* приступить къ ея исполненію. Ясно, что съ этихъ поръ уже отъ нихъ самихъ, а не отъ кого-нибудь другаго, зависѣло ускорить или замедлить наступленіе „всѣми вѣрными сынами церкви ожидаемаго событія“. (Голосъ Москвы“ № 46).

По вопросу о „благовременности“ созыва теперь-же, не ожидая полнаго умиротворенія страны, церковнаго собора довольно, признаться, неожиданно, дѣльные разсужденія встрѣчаемъ мы и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 45). Энергично отстаивая мысль о скорѣйшемъ созывѣ собора, газета сильно и удачно парируетъ всѣ встрѣчныя возраженія тѣмъ вѣскимъ указаніемъ „что не здоровые требуютъ врача, а больные; и что если Церковь, видя теперь смятеніе въ рядахъ своей паствы, будетъ въ бездѣйствиіи выжидать времени, когда ее успокоятъ—государство, общество, печать, или, быть можетъ, пропаганда инославія и иновѣрія,—то не уподобятъ-ли ее со временемъ тому пастуху притчи, наемнику, который, увидавъ грядущаго волка, убѣждалъ, „яко наемникъ есть и нерадитъ объ овцахъ“... Не такъ, вѣдь, поступили старые отцы и вселенской и нашей помѣстной церкви: они тогда и созывали вселенскіе и помѣстные соборы, когда въ средѣ ихъ паствы появлялись волки, въ лицѣ, напр. Арія или Несторія, или, вообще, когда разгоралась крупная смута, напр. у насъ Никоновская передъ соборомъ 1666 г. Почему-же только теперь, вопреки примѣрамъ прошлаго, Церковный соборъ долженъ разсматриваться не какъ могучее, даже божественное средство для уврачеванія душъ, успокоенія мятущихся умовъ и чувствъ, а только какъ сво-

его рода роздыхъ на полѣ—быть можетъ уже проигранной—жизненной битвы“! (Моск. Вѣд.“ № 45). Поэтому „Моск. Вѣдомости“ отъ всей души привѣтствуютъ думскую депутацію и въ особенности, ея настойчивое напоминаніе о соборѣ. Газета оптимистически смотритъ даже и на отвѣтную рѣчь митрополита: „нѣкоторыя газеты поняли этотъ отвѣтъ, какъ перенесеніе срока собора въ неопредѣленную даль. Мы, наоборотъ, находимъ въ нихъ указаніе, что срокъ этотъ весьма близокъ... Подождемъ-же еще нѣсколько мѣсяцевъ, пока своды стараго Кремля, какъ нѣкогда при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, огласятся предсоборнымъ: Днесь благодать Святаго Духа насъ собра“. И вновь пышнымъ цвѣтомъ разцвѣтетъ смоковница, которую многіе маловѣры уже считали засохшей... (Моск. Вѣд. № 45).

Рѣзкимъ диссонансомъ по отношенію ковѣмъ этимъ, довольно дружнымъ голосамъ звучитъ письмо члена Государственной Думы г. Шечкова, помѣщенное имъ въ „Свѣтъ“ и любовно перепечатанное, затѣмъ, въ „Колоколъ“ (№ 612).

Грустное и даже тяжелое впечатлѣніе производитъ это письмо, съ претенціознымъ заголовкомъ: „Правда о представленіи депутатовъ митрополиту Антонію“, написанное въ холодномъ, рѣзкомъ тонѣ, языкомъ стараго подъячаго, или консисторскаго крючка, цѣлляющагося за формальныя упущенія и недочеты. Въ своемъ письмѣ г. Шечковъ силится, прежде всего, всячески завинить предсѣдателя церковной комиссіи В. Н. Львова, ставя ему упрекъ и за произнесенную имъ рѣчь, и за недостаточное вниманіе къ протестовавшимъ противъ нея членамъ церковной комиссіи, и за поспѣшность веденія дѣла съ депутаціей, и наконецъ, даже за поднятіе самаго вопроса о депутаціи и о соборѣ.

Особенно характерно, въ виду его самопротиворѣчивости, послѣднее обвиненіе—о неумѣстности официальной Думской депутаціи дѣловаго характера къ первенствующему члену Св. Синода. Пытаясь аргументировать это серьезное обвиненіе, г. Шечковъ указываетъ, во первыхъ, на неправомѣрность дѣйствій В. Н. Львова, который, будучи предсѣдателемъ только одной изъ Думскихъ комиссій, своимъ визитомъ къ м. Антонію и сказанной тамъ рѣчью превысилъ свои полномочія и узурпировалъ права, принадлежащія цѣлой Думѣ. Здѣсь авторъ стоитъ на строго правовой, юриди-

ческой почвѣ. „По дѣйствующему положенію ни какая коммисія Государственной Думы не имѣетъ иного характера, кромѣ подготовительнаго, и потому не является облеченной правомъ приводить въ исполненіе собственныя постановленія, безъ вѣдома и порученія общаго собранія Государственной Думы... Сама-же по себѣ коммисія, какъ таковая, *motu proprio*, возбуждать какихъ-либо вопросовъ, проектовъ или ходатайствъ и проводить таковыя во вѣдѣ думскихъ сферахъ путемъ-ли печати, или *депутаций*, не прѣступая законнаго предѣла своихъ обязанностей,—не можетъ“. По логикѣ автора, такимъ образомъ, выходитъ, что „церковная думская коммисія“ не имѣетъ право поднимать и разрабатывать никакихъ вопросовъ, если они опредѣленно не поставлены раньше въ Думѣ и не переданы ею-же—туда въ коммисію; а во вторыхъ они совершаютъ прямое преступленіе, если о результатахъ своихъ работъ, прежде обсужденія ихъ всей Думой, разглашаетъ какимъ-либо способомъ во вѣдѣ думскихъ сферахъ, въ особенности, если она устраиваетъ активныя выстуленія, въ родѣ напр. данной *депутации*.

Вся эта *quasi* юридическая аргументація крайне спорна, даже и съ чисто формальной стороны. Несомнѣнно, что третья Государственная Дума, разбившаяся, какъ извѣстно, на множество спеціальныхъ коммисій, никакихъ предварительныхъ „заданій“ большинству этихъ коммисій не дѣлала, представляя имъ полную свободу, какъ въ самой постановкѣ вопросовъ, такъ и въ разработкѣ ихъ. Вѣдь, въ каждую думскую коммисію самой же Думой выбираются спеціалисты и всему составу Думы не пристало учить своихъ же ставленниковъ—спеціалистовъ, что и какъ нужно имъ дѣлать. Иначе, не было бы и смысла въ учрежденіи коммисій, если бы онѣ лишены были права самостоятельности и инициативы въ предварительной разработкѣ вопросовъ ихъ спеціальности.

Но, быть можетъ, церковная коммисія погрѣшила тѣмъ, что дала огласку нѣкоторымъ изъ своихъ рѣшеній, прежде чѣмъ, они были заслужены и одобрены всей Думой? Лишено всякаго серьезнаго значенія и это обвиненіе. Довольно указать на фактъ, что всѣ коммисіи Думы работаютъ при свѣтѣ самой широкой гласности и въ присутствіи представителей, печати, постоянно освѣдомляющихъ общество о всѣхъ перенетяхъ веденія въ нихъ дѣла. Даже коммисія „государ-

ственной обороны“, которой, послѣ жаркихъ общедумскихъ дебатовъ, удалось добиться закрытія своихъ дверей, и та даже не сдѣлала секрета изъ такого важнѣйшаго своего рѣшенія, какъ недавно состоявшійся отказъ въ кредитѣ морскому министерству. Почему-же, спросимъ мы г. Щечкова, къ одной только „церковной комиссіи“ онъ предъявляетъ какія-то особыя, исключительныя требованія, идущія въ разрѣзъ съ общедумской практикой?

Но дѣло даже и не въ этомъ. Пусть „церковная комиссія“ вмѣстѣ съ своимъ предсѣдателемъ допустила внѣшнюю, нелояльность. Самъ же г. Щечковъ допускаетъ болѣе крупную, внутреннюю непослѣдовательность. Заявивъ въ началѣ своего письма о предложеніи В. Н. Львова устроить депутацію къ митрополиту Антонію изъ всѣхъ членовъ „церковной комиссіи“ in concreto, г. Щечковъ, съ своей стороны, вполне это одобрилъ: „подобное предложеніе—пишетъ онъ—не могло не встрѣтить единодушнаго сочувствія (курсивъ нашъ), и комиссія тутъ-же поручила своему предсѣдателю ко дню слѣдующаго засѣданія приготовить привѣтствіе митрополиту Антонію“. Отсюда ясно, что сначала, ни самъ г. Щечковъ, ни его единомышленники въ составѣ „церковной комиссіи“, не усматривали никакой незаконности въ послыжкѣ депутаціи митроп. Антонію и въ произнесеніи передъ нимъ рѣчи. Но стоило только предсѣдателю Думы, уполномоченному все же большинствомъ комиссіи, сказать не то и не такъ, что и какъ хотѣлось г. Щечкову, какъ у него тотъ часъ же открылись глаза и на незаконность произнесенной рѣчи, и на неправоту самого выступления Думской депутаціи. Ясно, что г. Щечковымъ въ данномъ случаѣ руководить вовсе не охрана закона и не забота о престижѣ Думы, а нѣчто другое, гораздо болѣе мелкое и, повидимому, даже личное.

Но, быть можетъ, предсѣдатель „церковной комиссіи“ своей програмной (?) рѣчью передъ митрополитомъ чѣмъ либо ограничилъ или даже связалъ свободу дѣйствій Думы и Церкви, на что, повидимому, опредѣленно намекаетъ въ своемъ письмѣ и г. Щечковъ? Ничего подобнаго. Во всей рѣчи В. Н. Львова нѣтъ никакой программы церковныхъ преобразованій, за исключеніемъ самыхъ общихъ и широкихъ пожеланій. Развѣ испросить благословеніе Владыки на свои

труды и заявить ему о своей полной готовности работать въ союзѣ съ Церковью, можетъ быть подведено подъ понятіе „программы“? Даже и наиболѣе „преступныя“ мѣста рѣчи—заявленіе о необходимости пріобрѣтенія православной церковью „всѣхъ правъ свободы самоуправленія и самодѣятельности“ по примѣру всѣхъ остальныхъ религіозныхъ исповѣданій, или просьба о соборѣ — развѣ, повторяемъ, все это походить хоть сколько нибудь на програмныя требованія, въ общеупотребительномъ значеніи этого слова? Ни есть-ли все это лишь почтительное выраженіе благочестивыхъ надеждъ и пожеланій, какими одушевлены огромныя массы вѣрующаго народа, пожеланій еще нисколько не предрѣшающихъ собой исхода церковныхъ прообразованій и ничѣмъ не стѣсняющихъ ни постановленій Думы, ни рѣшеній Св. Синода? Думается, что безпристрастный взглядъ на дѣло и не можетъ быть инымъ. И весь этотъ печальный инцидентъ съ письмомъ г. Щечковъ только лишній разъ доказываетъ, что у насъ даже въ такомъ важномъ и святомъ дѣлѣ, какъ вопросъ о соборѣ и церковномъ возрожденіи, нѣтъ желаннаго единодушія, а вмѣсто этого царятъ какіе то междоусобные счеты и партійные раздоры. Все это очень и очень грустно!...

А между тѣмъ, явныя доказательства того, что соборъ теперь намъ крайне нуженъ и что безъ него церковная Думская коммисія не можетъ продуктивно работать, даетъ намъ спеціальная статья о церковной коммисіи члена ея — священника І. Титова, въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „Церковнаго Вѣстника“ (№ 10). О. Титовъ выражаетъ жалобу на почти полное отсутствіе сколько-нибудь серьезнаго матеріала для работъ „церковной коммисіи“. Это отсутствіе онъ объясняетъ единственно тѣмъ, что вся русская церковно-общественная жизнь зашла теперь въ тупикъ и съ понятнымъ нетерпѣніемъ ждетъ собора, который одинъ только и можетъ вывести ее оттуда. Въ то время какъ вѣроисповѣдная и старообрядческая коммисія завалены различными проектами и усилено работаютъ, „коммисія по дѣламъ православной Церкви—сѣтуетъ о. Титовъ — должна будетъ закрыться (именно, за недостаткомъ матеріала, какъ видно изъ предыдущаго), какъ будто въ Церкви не нужны никакія реформы и какъ будто не высказывались въ этомъ смыслѣ

всѣ такъ единодушно... Правда, ссылаются на то, что это дѣло собора. Мы всѣ съ нетерпѣніемъ ждемъ того желаннаго дня и ежедневно молимся. Но когда онъ будетъ созванъ? Въ печати и нѣкоторыхъ близкихъ къ церковнымъ кругамъ (органахъ?) ведется сильная агитація въ пользу отсрочки собора подъ предлогомъ неподготовленности къ нему. Желая выяснитъ этотъ вопросъ, члены комиссіи и отправились къ первоіерарху русской Церкви... („Церковный Вѣстникъ“ № 10 294 стр.). Вотъ, слѣдовательно, гдѣ лежитъ истинная причина того, почему предсѣдатель церковной комиссіи позволилъ себѣ довольно энергично повести рѣчь о соборѣ. Для него, какъ и для всей церковной комиссіи, это не вопросъ пустаго, празднаго любопытства, ни „одно изъ орудій освободительной борьбы“, а коренной вопросъ о самомъ существованіи „церковной комиссіи“, о томъ быть ей или не быть? Такъ какъ нельзя же придавать серьезнаго значенія тѣмъ суррогатамъ общецерковнаго мнѣнія, какими, вслѣдъ за С. Н. Булгаковымъ, о. Титовъ думаетъ замѣнить ея организованный „соборной“ голосъ, когда проситъ всѣхъ церковно настроенныхъ людей присылать въ бюро комиссіи свои письма и проекты. Ясно, что надо, по совѣту Евангелія, сильнѣе стучать въ закрытую дверь собора, чтобы она отверзлась (Мѡ. VII, 7) и тѣмъ самымъ исключила необходимость такихъ обходныхъ движеній.

Наканунѣ Думской депутаціи у митрополита Антонія была другая депутація—отъ петербургскаго духовенства, которая, несмотря на ея какъ-бы частный и личный характеръ, пріобрѣтаетъ крупное общественное значеніе, по связи съ тѣмъ поводомъ, которымъ она вызвана.

Фактическая сторона дѣла въ Прибавл. къ *Церковнымъ Синодскимъ Вѣдомостямъ* изложена въ слѣдующемъ видѣ. „19-го Февраля въ залѣ общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія, подъ предсѣдательствомъ протопресвитера І. І. Янышева, состоялось многочисленное собраніе столичнаго духовенства... Собраніе началось, согласно желанію многихъ изъ среды собранія, предложеніемъ протоіерея Ф. Н. Орнатскаго—выразить высокопреосвященному митрополиту Антонію, отъ лица столичнаго духовенства, одушевляющія духо-

венство чувства глубокаго уваженія, любви и преданности владыкъ, по поводу распространяемыхъ въ печати неблагопріятныхъ слуховъ объ архипастырѣ. Собраніе единогласно постановило избрать депутацію изъ протоіереевъ: Н. И. Розанова, М. И. Горчакова, Л. П. Петрова, В. И. Маренина, и Ф. Н. Орнатскаго для произнесенія и врученія его высокопреосвященству адреса слѣдующаго содержанія:

Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

Пастыри Богомъ врученной тебѣ паствы С.-Петербургской, собравшіеся сегодня на очередное проповѣдническое собраніе, поручили намъ выразить тебѣ, владыко, волнующія ихъ чувства. Пусть они не нужны тебѣ, но духовенство не можетъ не высказать ихъ въ слухъ всей твоей паствы.

Владыко! Не въ первый разъ на этихъ дняхъ всѣ мы были глубоко огорчены за тебя печатно повторенными старыми нареканіями.

Вѣрь, дорогой Отецъ нашъ, что какъ тебѣ самому, обиды твои больны и намъ, свидѣтелямъ твоего тяжелаго труда и попеченія о всѣхъ церквахъ. Твое мудрое архипастырское руководство паствой, проникнутое довѣріемъ привѣтливостью и ласкою къ со пастырямъ твоимъ и горячей любовью къ пасомымъ, оправдываетъ на себѣ завѣты Пастыреначальника Христа: не губить, но спасать. Твое снисхожденіе до времени къ недостойнымъ пастырямъ вытекало изъ надежды, да никто изъ нихъ не погибнетъ.

Твоя живая вѣра въ Бога и пламенная любовь къ Благочестивому Царю-Самодержцу и Родинѣ засвидѣтельствованы передъ нами твоими повелѣніями намъ—право править слово истины Христовой для устроенія царствія Божія въ дорогомъ отечествѣ, къ вящей славы и радости Отца отечества, призвавшаго дорогую Родину къ обновленной жизни.

Черезъ горнило тяжкихъ испытаній Святая Русь идетъ къ водворенію мира и порядка при новыхъ условіяхъ жизни; но она придетъ къ нимъ съ обновленіемъ строя церковной жизни, о чемъ такъ много порадовалъ ты и потрудился.

Да даруетъ же тебѣ, владыко, пастыреначальникъ Христосъ терпѣніе и перенесеніе незаслуженныхъ тобою поношеній и силу многую для исполненія предназначеннаго тебѣ высокаго служенія дѣлу обновленія церковной жизни; а

намъ вѣрь: всѣ до одинаго мы будемъ молиться объ тебѣ Господу Богу, въ духѣ сыновней любви и преданности тебѣ, милостивѣйшій архипастырь и отецъ нашъ (Приб. къ Церк. Вѣдом. издав. при Св. Синодѣ, № 9, стр. 337-я).

Вотъ, прекрасный, дышущій неподдѣльной искренностью и теплотой, адресъ петербургскаго духовенства своему высоко цѣнному и горячо любимому Владыкѣ! Трудно даже сказать, кого онъ лучше рекомендуетъ—адресата или авторовъ его; но несомнѣнно одно, что онъ свидѣтельствуетъ о самыхъ наилучшихъ, взаимноблагожелательныхъ и проникновенныхъ отношеніяхъ петербургскаго архипастыря къ своимъ сопастырямъ, что въ наши дни встрѣчается не такъ то часто, и что уже одно, само по себѣ, служить лучшей аттестаціей петербургскаго владыки и наиболѣе основательно реабилитируетъ его отъ возводимыхъ на него инсинуацій.

Однако, чтобы до конца исчерпать вопросъ о газетныхъ нападкахъ на первоіерарха русской церкви, и не оставить здѣсь ничего замолчаннаго и недоговореннаго, мы не считаемъ нескромнымъ слегка коснуться и той газетной статьи, которая послужила ближайшимъ поводомъ для составленія даннаго адреса и посылки самой депутаціи.

Мы разумѣемъ здѣсь не мало нашумѣвшую статью г. Меньшикова: „Разстройство Церкви“ (*Новое Время*, № 11463), гдѣ онъ въ рѣзкой и грубой формѣ упрекаетъ м. Антонія за всю царящую теперь въ русской церкви неурядицу, причемъ въ совершенно извращенномъ свѣтѣ рисуется личность и роль петербургскаго владыки.

Такъ какъ названная статья г. Меньшикова явилась одновременно съ другой аналогичной же статьей г. Варварина: „Митрополитъ Антоній въ современной смутѣ“ (*Рус. Слово* № 34),—хотя и написанной подъ совершенно инымъ угломъ зрѣнія,—то и мы въ своемъ обзорѣ обсудимъ ихъ совмѣстно, поправляя одного автора другимъ и соединяя ихъ обоихъ, гдѣ это, въ интересахъ истины, окажется желательнымъ и нужнымъ.

Названная статья г. Меньшикова представляетъ собой поразительное сочетаніе широкихъ обобщеній, вѣрныхъ замѣчаній, тонкихъ и мѣткихъ характеристикъ съ какимъ-то удивительнымъ, публицистическимъ дальтонизмомъ, порою переходящимъ чуть-ли не въ сознательное и намѣренное

искаженіе истины. Г. Меньшиковъ, напр., прекрасно охарактеризовалъ „банкротство вѣры“ и упадокъ положительнаго вліянія церкви на общество за эпоху, такъ называемаго, имъ „побѣдоносцевскаго“ режима. Не менѣе глубоко и тонко выяснилъ онъ и причины этого печальнаго явленія, указавъ ихъ въ бюрократическомъ характерѣ всей дѣятельности покойнаго „папы“ русской церкви—ея всеильнаго Оберъ-Прокурора—К. П. Побѣдоносцева. „Основной порокъ Побѣдоносцева, какъ министра, состоялъ въ томъ, что онъ былъ типичнымъ чиновникомъ-формалистомъ, удовлетворявшимся видимостью дѣла, не гоняясь за существомъ его... Отъ того-то строгій на видъ режимъ Побѣдоносцева и былъ эпохой самаго безобразнаго карьеризма въ духовномъ вѣдомствѣ“ („Новое Время“).

Естественно, казалось бы, послѣ всего этого придти къ заключенію, что „бюрократизмъ“—главная язва нашей церковной жизни, съ уничтоженія которой и должно начинать ея возрожденіе. Въ самомъ дѣлѣ, если въ рукахъ такого исключительно умнаго, образованнаго и высокорелигіознаго чиновника, какъ К. П. Побѣдоносцевъ, „бюрократизмъ“, по убѣжденію г. Меньшикова, принесъ столько зла церкви, то выводъ отсюда можетъ быть только одинъ—не нужно никакого „бюрократизма“ въ церкви, такъ какъ въ рукахъ всякаго другаго, менѣе образованнаго, менѣе талантливаго и церковнаго человѣка, это орудіе, разумѣется, будетъ еще опаснѣе и гибельнѣе для истинно-церковнаго дѣла.

Но не то выводитъ изъ этихъ посылокъ г. Меньшиковъ. „Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ“, онъ стоитъ не за ослабленіе „бюрократизма“ въ церковномъ управленіи, тѣмъ болѣе не за полное его уничтоженіе, а наоборотъ—за его большее усиленіе, процвѣтаніе и ростъ. Г. Меньшиковъ, напр., откровенно заявляетъ, что главнымъ порокомъ К. П. Побѣдоносцева онъ считаетъ его „благодушіе и слабость“, недостатокъ въ немъ суровой, безсердечной жестокости и сухости, чѣмъ, дѣйствительно, обыкновенно и отличаются настоящіе, надменные бюрократы. Побѣдоносцевъ, слѣдовательно, былъ „плохимъ бюрократомъ“, т. е. недостаточно самодурнымъ и жестокимъ, и оттуда будто-бы—все зло различныхъ нестроеній въ русской церкви.

Мы не станемъ разбирать этого уродливаго взгляда г. Мень-

шикова, которымъ онъ объявляетъ войну всякой здравой логикѣ. Добавимъ только, что авторъ уже слишкомъ строгъ къ бюрократамъ: онъ находитъ „слабыми“ даже и самого Плеве, вмѣстѣ съ Сипягинымъ. Очевидно, на „строгий“ вкусъ г. Меньшикова среди нашихъ бюрократовъ еще не народилось какого-нибудь Стамбулова, или Франко...

Много дѣльныхъ и сильныхъ мыслей высказываетъ, далѣе, г. Меньшиковъ, когда даетъ характеристику нашего духовенства, по преимуществу, его „верхнихъ“ правящихъ слоевъ. Въ особенности, значителенъ и силенъ, въ устахъ Меньшикова, его упрекъ этому духовенству за „немирный, политиканствующій складъ его ума“. „Утвержденіе вѣры и мира въ отечествѣ нашемъ (пожеланіе, преподанное на дняхъ въ телеграммѣ Государя) говоритъ г. Меньшиковъ: „встрѣтить трудно одолимыя препятствія, прежде всего, въ церковной бюрократіи, въ психологіи духовныхъ карьеристовъ, въ ихъ собственномъ глубокомъ равнодушіи къ вѣрѣ и въ ихъ собственномъ немирномъ, политиканствующемъ складѣ ума“...

Отсюда опять, казалось-бы, единственно возможнымъ представляется только тотъ логическій выводъ, что духовенство должно прекратить всякую политику и всецѣло отдаться своей прямой, чисто пастырской работѣ, чуждой какой-бы то ни было политической окраски. Но г. Меньшиковъ страшно непослѣдователенъ и тутъ. Возставая противъ церковнаго „политиканства“, Меньшиковъ, въ сущности, лицемеритъ: онъ только противъ „лѣвой“ политики духовенства, „правую“ же онъ довольно прозрачно привѣтствуетъ и одобряетъ, о чемъ можно судить хотя-бы изъ слѣдующей его тирады: „тѣхъ преосвященнѣйшихъ, что тянутъ церковь влево, туда-же, куда ихъ свѣтскіе коллеги тянутъ государство,— слѣдуетъ поставить подальше отъ власти. Послѣднюю нужно вручить дѣятелямъ другаго характера“.... т. е., очевидно, такимъ, которые потянули-бы церковь въ противную сторону, т. е. направо. Ясно, чего хочетъ авторъ. Зачѣмъ-же онъ говоритъ тогда о „глубокой ошибкѣ правительства, втянувшаго священниковъ и монаховъ въ парламентскую агитацію? „Къ чему всѣ эти ламентации о „немирномъ политиканствующемъ складѣ ума“, о „забвеніи“ чисто пастырскаго долга и т. п.? Уже-ли только къ тому, чтобы перевести всѣхъ іереевъ и

архіереевъ въ союзъ русскаго народа? Но тогда зачѣмъ же впадать въ такое грубое, внутреннее самопротиворѣчіе!

Вполнѣ понятно, что страдая такимъ дальтонизмомъ и постоянно воюя съ логикой и здравымъ смысломъ, г. Меньшиковъ не смогъ, или намѣренно не захотѣлъ понять и оцѣнить мудрой и осторожной позиціи м. Антонія, сознательно занятой имъ въ эпоху только что пережитой церковно-общественной смуты. Онъ считаетъ м. Антонія, также какъ и К. П. Побѣдоносцева, слишкомъ „снисходительнымъ и слабымъ“, готовымъ чуть-ли не потакать всякимъ проявленіямъ „освободительнаго“ броженія въ церкви. И это злостное обвиненіе г. Меньшиковъ раздвигаетъ до такихъ широкихъ рамокъ, что считая м. Антонія отвѣтственнымъ за всю политику Синода послѣднихъ лѣтъ, онъ тенденціозно усматриваетъ въ ней почти „открытое сочувствіе освободительному движенію и чрезмѣрную снисходительность къ борцамъ движенія, т. е. радикаламъ-попамъ, социалистамъ-архимандритамъ и кадетамъ-епископамъ“.

За эту излишнюю, по его мнѣнію, терпимость и слабость въ подавленіи „смуты“ и искорененіи „крамолы“ г. Меньшиковъ и обрушивается на м. Антонія, не скрывая своей радости по поводу слуховъ объ его уходѣ. Плохо прикрытое стремленіе содѣйствовать осуществленію этихъ слуховъ и составляетъ затаенную цѣль всей его, удивительной по ея самопротиворѣчивости, кусательной статьи, рассчитанной, очевидно, на извѣстное впечатлѣніе въ правящихъ кругахъ.

Но г. Меньшиковъ, повидимому, переусердствовалъ и достигъ совсѣмъ не того эффекта, на который билъ, а какъ разъ противоположнаго. Живой иллюстраціей этого послѣдняго и является тотъ теплый, сердечный адресъ петербургскаго духовенства, съ котораго мы начали свою настоящую замѣтку. Своими злыми инсинуаціями и выходками г. Меньшиковъ далъ только поводъ петербургскому духовенству выдѣлить и подчеркнуть нѣкоторыя особенно симпатичныя и высокія качества ума и сердца ихъ любимаго архипастыря—„его мудрое, архипастырское руководство паствой, проникнутое довѣріемъ, привѣтливостью и лаской“, его „снисхожденіе до времени къ недостойнымъ пастырямъ“, во исполненіе великаго завѣта Пастыреначальника: не губить, но спасать, его искреннее служеніе дѣлу обновенія церков-

ной жизни, его живую вѣру въ Бога и пламенную любовь къ Царю и родинѣ.

Заключимъ-же все сказанное одной изъ новозавѣтныхъ аналогій, представляющей собою исповѣдь сердца великаго апостола языковъ: „мы никому ни въ чемъ не полагаемъ претыканія, чтобы не было порицаемо служеніе, но во всемъ являемъ себя, какъ служители Божіи, въ великомъ терпѣніи, въ бѣдствіяхъ, въ нуждахъ, въ тѣсныхъ обстоятельствахъ... въ чистотѣ, въ благоразуміи, въ великодушіи, въ благи, въ Духѣ Святомъ, въ нелицемѣрной любви, въ словѣ истины, въ силѣ Божіей, съ оружіемъ правды въ правой и лѣвой рукѣ, въ чести и безчестіи, при порицаніяхъ и похвалахъ: насъ почитаютъ обманщиками, но мы вѣрны; мы неизвѣстны, но насъ узнаютъ; насъ почитаютъ умершими, но вотъ, мы живы... Уста наши отверсты къ вамъ, Коринтяне, сердце наше расширено. Вамъ не тѣсно въ насъ; но въ сердцахъ вашихъ тѣсно... (II Коринѣ. VI, 3—11 ст.).

А. П.